

Светлана АЛЕКСИЕВИЧ: Я вообще по гражданской части

Вел. Москва - 2003 - 9 дек

Нет пророка в своем отечестве... Книги Светланы Алексиевич издаются и переиздаются во всем мире, но только не в ее родной Белоруссии. Буквально днями должна появиться на российских прилавках очередная книга, которая издана опять не в Минске — в Москве, в издательстве «Пальмира». В связи с чем писательница прилетела из Парижа, где живет последнее время, в наш столичный город.

— Ваша новая книга имеет до боли знакомое название — «У войны не женское лицо». Это что, переиздание?

— Не совсем. Получилось вот как. Французы, у которых моя «Чернобыльская молитва» вышла тиражом в 100 тысяч, была бестселлером, по ней поставлены спектакли и она до сих пор продается, — так вот, они предложили мне переиздать «У войны не женское лицо» и «Последние свидетели». Война глазами женщин и глазами детей. Подписала контракт, стала перечитывать. И поняла: эти книги нельзя просто взять и переиздать в первоначальном виде. Во-первых, за эти 17 лет у меня накопилась огромная переписка: люди что-то добавляли, уточняли, поправляли, появлялись новые истории. Во-вторых, ведь уже тогда это были усеченные тексты. Частью из-за цензуры — борьба с ней затянулась почти на два года, частью из-за самоцензуры. То есть я сама что-то выбрасывала, какие-то сюжеты оставляла за бортом. И не потому, что боялась: напечатать — не напечатать. Я, теперь уже совершенно точно могу сказать, тоже была человеком своего времени. Имелись некие границы правды, которые мы сами для себя устанавливали.

Вот, например, рассказ одной женщины. Она во время войны была девочкой. У нее был брат партизан. И вот она смотрит в окно и видит его и еще несколько человек. Радуются. Они ведут соседа, старого мельника. Безвредный такой старик, его немцы назначили старостой. Пойми, почему. Ставят его под яблоней и железными прутьями бьют по голове. Старик падает, в кровь. Брат заходит в дом, девочка от ужаса теряет дар речи. Потом брат прибавляет в партизанах. И женщина говорит: его убили, а если бы он выжил, вернулся, не знаю, как бы могла с ним... Или другая женщина: была снайпером, после войны родила девочку сумасшедшую, всю жизнь с ней

мучается и говорит: а, может, я наказана за то, что убивала? Или истории о том, как люди уходили в подполье, их калечили в гестапо, а окончательными инвалидами делало НКВД.

— То есть, готовя эти книги к переизданию, вы одновременно познавали ту Светлану Алексиевич, которой она была 18–20 назад?

— И себя, и время, и тот путь, который мы все проделали. Даже те, кто не хочет себе в этом признаться. Поэтому я включила в книгу главу из моих дневников времен написания «У войны...». Это моя война, мой путь, мое отделение от того прошлого. В общем, обе книги получились на 40 процентов новые.

— Они одновременно выходят у нас и во Франции?

— У вас чуточку раньше. Причем «Пальмира» тоже решила выпустить обе книги: одну сейчас, другую в начале года. Примерно тогда, когда во Франции выйдет первая. А вслед за тем книги выйдут в Германии.

— Про Белоруссию, наверно, не стоит и спрашивать?

— Я, конечно, хочу дожить до времен, когда меня будут печатать и в Белоруссии. Но понимаю, что пока это не больше, чем утопические мечтания. Приезжаю куда-нибудь в Бобруйск или в Скопцы — в Белоруссии я обязательно навещаю маленькие городишки, деревни, — везде местные начальнички как-нибудь подсуроят. Приезжаем мы, несколько писателей, например, в Гомель. Нас встречает человек 200–300. Не в зале — на улице. Говорят: нет ключей. И нет женщины, у которой эти ключи. Оказалось, перед этим их собрали в райисполкоме или как там, и говорят: приезжает Алексиевич с какой-то бандой оппозиционной. Чтоб ни слова не было в печати, и вообще будет наказан тот, кто предоставит им аудиторию. Люди стояли на улице, потом поехали к той женщине. Ведь у нас все зависит от личного муже-

ства человека. И ключи появились. И три-четыре часа нас не отпускали. У нас писатель — не знаю, как в России, — еще кое-что значит. Приезжает политик, собирает 10–15 человек. А приезжают писатели — до полутысячи.

Конфликт с властью — не такое уж необычное для писателя дело. Поэтому надо набраться терпения и спокойно работать. У меня всегда было сложно с властью, но это не то, о чем мне интересно говорить. Я в этом смысле как Бродский — он терпеть не мог, когда из него делали политического страдальца. Вот и я не воспринимаю себя ни жертвой политики, ни ее солдатом. Я вообще по гражданской части. Мне главное понять, что с нами происходит, какие мы, куда движемся. Маленький человек и великая утопия — вот моя тема. Как это все меняется, деформируется, исчезает в истории — почему?

— И тем не менее: Париж ведь не самое худое место на Земле. Хотя и чужбина. Кем вы там себя ощущаете — изгнанницей? Или, наоборот, радуетесь, что вырвались?

— Ни то ни другое. Не стану лицемерить: последние годы дали мне очень много. Мне интересно за границей. И впечатления, и общение с интереснейшими людьми, и новые совершенно мысли. В общем, почувствовала себя гражданином мира. И материально, конечно, могу работать, не забывая голову заботами о куске хлеба. До Парижа я два года жила в Италии. Но я не сижу на месте, очень много езжу. Не только по Европе. В этом году была, например, в Мексике. В Японии читала лекции в семи городах. Там изданы три мои книги и фильм снят большой телевизионный по «Чернобыльской молитве». Это было открытие какого-то отдельного мира. Но вдруг подступает: все, не могу больше, надо домой. Нужна подпитка, понимаете? И по жизни, и по профессии — ведь пишу я не про парижан.

— А заниматься, к примеру, эмигрантами? Как вы это делаете — встречаетесь, записываете...

— Нет. Это не мое. Этим надо жить, болеть... А я болею другим. Получилась бы документалистика, но литература.

— Уже два года «Дружба народов» обещает «Чудный олень вечной охоты» — вашу новую вещь. О любви.

— Я и правда собрала огромный мате-

ФОТО ИТАР-ТАСС

риал. Чувствую себя очень виноватой и перед журналом, который напечатал «Цинковых мальчиков», «Чернобыльскую молитву», вообще все последние мои вещи, и перед читателями. Но вышло так, что эту работу пришлось отодвинуть. Год отняла «У войны...», теперь я подписала новый контракт — на вторую часть «Зачарованных смертью». Первая, напечатанная 10 лет назад в той же «Дружбе народов», рассказывала о

пожилых людях, которые покончили собой, не вписавшись в новую жизнь. Сейчас эпидемией самоубийств охвачены молодые. Что заставляет их бояться смерти меньше, чем жизни? Вот это и будет вторая часть. Закончу — и первым делом передам в родной журнал. И еще кое-что, уже почти законченное. А уже потом вернусь к «Оленю». Обещаю.

Беседовал
Леонид БАХНОВ

В искусстве не должно быть спроса

ОДНОВРЕМЕННО ВЫШЛИ ДВЕ КНИГИ О САМЫХ ЗАКРЫТЫХ ПИАНИСТАХ СОВРЕМЕННОСТИ

Лириче и любви